

Е.Н. Басовская

«Бедная Лиза»

Громкую славу и огромную читательскую любовь принесло Карамзину то произведение, в котором он творил свою вселенную — вселенную чувств обыкновенного, рядового человека. «Бедный странник» завоевал читательские сердца, когда написал «Бедную Лизу».

Повесть появилась в «Московском журнале» в 1792 году. Писатель продолжил литературную игру, начатую в «Письмах русского путешественника»: он опять вел рассказ так, будто речь шла о реальных событиях, причем они касались его лично. Он не только точно указал место, где разворачивалось действие, но и заявил о своем знакомстве с главным героем, Эрастом:

«Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могиле».

Повествователь сделался одним из заметных персонажей; читатель попадал сначала в мир его чувств и занятий, а уже потом, вместе с ним, взволнованно следил за Лизиными злоключениями:

«Но всего чаще привлекает меня к стенам Симонова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы! Ах! я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!»

Затягивая Карамзина удалась сверх всяких ожиданий. Неискушенная российская публика приняла все за чистую монету. Началось массовое паломничество к стенам Симонова монастыря; чувствительные девушки рыдали у пруда, где погибла Лиза; вековые дубы, которые действительно росли в этих местах, оказались испещрены надписями в стихах и прозе — как восторженными, так и насмешливыми. Вообще на долю карамзинской повести пришлось невероятное количество юмористических выпадов — эпитграмм и пародий. Но, согласись, это одно из свидетельств большой популярности. Неизвестный автор писал:

Здесь бросилась в пруд Эрастова невеста.
Топитесь, девушки: в пруду довольно места!

Ему вторил другой:

Ну можно ль поступить безбожнее и хуже,
Влюбиться в сорванца и утопиться в луже.

Все это вовсе не значит, что над «Бедной Лизой» смеялись. Иронически-снисходительное отношение к ней установилось гораздо позже, к середине XIX столетия, когда излишне откровенная чувствительность стала считаться признаком дурного тона. Но чтобы в какой-то момент презрительно отречься от сентиментального взгляда на мир, литература должна была сначала освоить его. Искусством видеть и изображать трогательное она во многом обязана Карамзину.

Кому посвятил он свою лучшую повесть? Влюбленной крестьянке и скучающему, легко увлекающемуся дворянину. Представь себе, что кому-нибудь из горячих сторонников классицистической эстетики было бы поручено отредактировать «Бедную Лизу» или превратить ее в «правильную» трагедию. Такой соавтор наверняка начал бы с изменения общественного статуса героев: кто же пишет трагические истории из жизни простых людей! Пусть лучше они оба будут потомками древних и известных дворянских родов. Семейства их враждуют, и это мешает счастливой любви. Или так: все было бы хорошо, если бы не война. Эраст, движимый долгом, уходит сражаться с неприятелем и погибает, а Лиза не может пережить его кончину...

Но довольно фантазировать. Мы-то знаем, что Карамзин решил по-другому. Он рассказал о трагедии, совершающейся в обыденной жизни. Долг абсолютно не при чем. Война становится для Эраста лишь удобным поводом, чтобы оставить надоевшую ему Лизу.

«...Он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение».

Беда не вне, а внутри героев повести, беда в том, что один продолжает любить, у второго любовь проходит. Литература классицизма охотно выписывала рецепты, получала, как следует поступать в том или ином случае. Литература сентиментализма горестно вздыхает и разводит руками: человек мается, но тут не поможешь, иначе он просто не был бы человеком. Одним из открытий сентиментальной культуры была неоднозначность образов и авторской позиции. Рассказчик должен, казалось бы, безоговорочно осуждать Эраста, который погубил наивную девушку, обманул ее, предал, да еще и попытался откупиться от нее ста рублями. Но Карамзин не судья своим героям. Он умеет только сострадать:

«Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею... Теперь, может быть, они уже примирились!»

Мне думается, в наше непримиримое время очень недостает таких слов и мыслей. Гуманизм ведь не только в том, чтобы кого-то пожалеть, но и в том, чтобы искренне не желать конфликта.

Карамзина нередко называют воспитателем русского читателя. Он действительно необычайно много сделал и для нравственного развития общества (недаром фраза «И крестьянки любить умеют!» стала крылатой), и для воспитания литературного вкуса. Он приучал публику волноваться, сопереживать — и наслаждаться собственным чувством. Он подарил русской прозе исповедальность, без которой не было бы классики XIX века. Но это далеко не единственное, что он сделал для отечественной культуры.

Даже беглое перечисление того, что открыл, впервые использовал, ввел в моду, утвердил Карамзин, составляет основательный список.